

ИНКЛЮЗИВНОЕ «САМ»

Н. А. Корепина *Кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный
исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия*

INCLUSIVE «(ONE)SELF»

N. A. Korepina *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

Summary. This article observes the inclusive word *(One)self* as the core means of the functional and semantic category of Self in the Russian language. In the present article the inclusive word *(One)self* is analyzed in the discourse context. It is stated that the inclusive word *(One)self* signifies the Speaker sharing somebody's views. There are two ways of the meaning realization of the inclusive word *(One)self* depending on the Speaker's perception: a contrastive and inclusive one. The contrast and inclusiveness are considered to be different by the sign of the Speaker's agreement with the given opinion. Thus, the contrast is the agreement with a minus sign and the inclusiveness is the one with a plus sign.

Keywords: the inclusive word *(One)self*; the functional and semantic category of Self; the discourse context; inclusiveness; contrast.

В данном исследовании слово *сам* является репрезентантом ядра функционально-семантической категории самости в русском языке и выражает категориальное значение самости. Прежде всего, отметим, что инвариантное значение позволяет слову *сам* вступать в семантическую реакцию с глаголами разнообразной семантики, давая спектр подзначений, и выступать в разнообразных дискурсивных фигурах, выходя за пределы предложения [6]. Так, существуют различные употребления слова *сам*: собственно эмфатическое *сам* [3], адвербиальное и контрастивное *сам* [2] и другие. Настоящая работа посвящена изучению употребления слова *сам* в дискурсивном контексте в инклюзивном значении.

Рассмотрим дискурсивный контекст, в котором реализуется инклюзивное значение слова *сам*: *Я, например,*

курю. – Господи, у меня отец сам курит [5]. Этот контекст содержит две ситуации – *P* и *Q*. Первая ситуация – это «*Я, например, курю*», вторая – «*Господи, у меня отец сам курит*». В первой вводимой в рассмотрение ситуации, участвует *Y*. Это *Я*: он впоследствии станет периферийным исполнителем своей роли, потому что повествование сфокусируется на второй ситуации, участником которой будет *X*, то есть отец. Из контекста также станет ясно, что ситуации *P* и *Q* в некотором смысле подобны, то есть что их можно свести к одной и той же ситуации *S* (о сходстве ситуаций при анализе слова *тоже* см. [1; 4]).

Значение «тоже» – это не уникальное свойство слова *сам*, а результат взаимодействия контекста, в котором предполагается повторяющееся положение дел, с особой кванторной семантикой единственности, присущей лексеме *сам*.

При анализе слова *сам* в вышеприведенном примере мы пришли к выводу, что слово *сам* может использоваться для манифестации отождествления двух ситуаций и отождествления ролей, которые исполняют участники ситуаций. При этом из нашего рассуждения еще не следовало, что рассматриваемый пример должен пониматься в инклюзивном смысле «отец так же, как и Я». В принципе контрастная интерпретация «отец, а не Я» здесь также не лишена смысла. Во всяком случае, чтобы ситуации *P* и *Q* с единой ролью *R* были тождественны, требуется от обеих трактовок: и от инклюзивной, и от контрастной. Инклюзивная трактовка примера была получена не на основании анализа функции слова *сам*, а из других источников: в данном случае на основании здравого смысла.

Таким образом, *сам* инклюзивное означает, что говорящий разделяет высказанную кем-то точку зрения. Если говорящий согласен с тем, что некий *Y* действительно играет в ситуации *S* роль *R* и говорит, что *X* тоже попал в ситуацию *S* и играет в ней роль *R*, это значит, что *сам* понимается в значении «тоже». Если же говорящий не согласен с предыдущим говорящим, возникает контрастное понимание «*X*, а не *Y*».

Многие дискурсивные контексты с *сам*, подобно рассмотренному контексту, допускают обе интерпретации, и весьма часто омонимия интерпретаций остается неразрешимой. В распространенной дискурсивной формуле *Сам дурак!* можно говорить, скорее, о контрастной интерпретации – «Дурак – ты, а не я», чем об инклюзивной – «Ты дурак так же, как и я». Разрешение омонимии здесь происходит на основании соображения, что редкий говорящий согласится признать себя дураком. Только на этом – экстралингвистическом – основании предпочтение отдается контрастной трактовке формулы *Сам дурак!* При подобной формуле *Сам*

такой!, контрастная интерпретация не столь очевидна: представляется, что инклюзивная интерпретация здесь тоже возможна [6].

Итак, отличие контраста от инклюзивности состоит в том, чтобы согласиться или не согласиться с тем, что *Y* играет в ситуации *S* роль *R*: *сам дурак* и *сам курит* могут в принципе обозначать и согласие, и несогласие с тем, что говорящий дурак или кто-то еще, кроме отца, курит. Поэтому *сам курит* в принципе может значить, что курил отец, а не *сын* (*я*), а также что с отцом происходило то же, что и с сыном.

Контраст и инклюзивность отличаются друг от друга знаком согласия говорящего с ранее высказанным мнением: контраст – это «согласие со знаком минус», а инклюзивность – «со знаком плюс». Это позволяет предположить, что контрастное и инклюзивное употребление *сам* вообще не следует рассматривать как разные употребления слова *сам*. Это одно и то же употребление, потому что неспецифицированная референция к предыдущему высказыванию предусмотрена значением слова *сам*, а согласен говорящий с предыдущим оратором или не согласен, выводится не из значения слова *сам*, а из текущего контекста и общих знаний о мире [6, с. 300]. Таким образом, мы показали, что контрастная (*Сам X, а не Y*) и инклюзивная (*X и сам...*) интерпретация слова *сам* – это две стороны одной медали, потому что в семантику слова *сам* входит только соотношенность с точкой зрения предыдущего оратора, а согласен с ним говорящий или не согласен, выводится из контекста. Рассмотрены случаи конкуренции акцентоносителей в конструкциях *сам X* и показано, что в этих случаях реализуются разные коммуникативные стратегии, но они дают одинаковый референциальный эффект, т. е. при обеих стратегиях имеется в виду один и тот же референт.

Библиографический список

1. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 379.
2. Корепина Н. А. Адвербиальное и контрастивное сам // Вестник ИрГТУ. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2015. – № 8 (103). – С. 242–246.
3. Корепина Н. А. Собственно эмфатическое «сам» // Paradigmata poznání. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – № 3. – С. 68–70.
4. Падучева Е. В. Тоже и также: взаимодействие актуального членения и ассоциативных связей // Ин-т рус. яз. АН СССР: Предварительные публикации. 1974. – Вып. 55.
5. Шукшин В. М. Калина красная. – URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (дата обращения: 17.12.2007).
6. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 281–303.

Bibliograficheskiy spisok

1. Boguslavskiy I. M. Sfera deystviya leksicheskikh edinit. – M. : Shkola «Yazyiki russkoy kulturyi», 1996. – S. 379.
2. Korepina N. A. Adverbialnoe i kontrastivnoe sam // Vestnik IrGTU. – Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2015. – № 8 (103). – S. 242–246.
3. Korepina N. A. Sobstvenno emfaticeskoe «sam» // Paradigmata poznani. – Prague : Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ», 2015. – № 3. – S. 68–70.
4. Paducheva E. V. Tozhe i takzhe: vzaimodeystvie aktualnogo chleneniya i assotsiativnyih svyazey // In-t rus. yaz. AN SSSR: Predvaritelnyie publikatsii. 1974. – Vyip. 55.
5. Shukshin V. M. Kalina krasnaya. – URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (data obrascheniya: 17.12.2007).
6. Yanko T. E. Kommunikativnyie strategii russkoy rechi. – M. : Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2001. – S. 281–303.

© Корепина Н. А., 2015